

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

А. В. Логинов

Этико-правовые основы свободы
совести как предпосылки
свободной самоидентификации
личности

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Loginov_et_pr.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Глава 2

ЭТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СВОБОДЫ СОВЕСТИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ СВОБОДНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ.

Логинов А.В.

Многоаспектные вызовы глобализационных процессов не столько нивелируют культурные, религиозные и цивилизационные особенности человечества, сколько преумножают и углубляют разделение частных особенностей. Под воздействием новых коммуникационных и информационных технологий прежние сепарированные «миры» и «пространства», объединявшиеся пониманием общей среды, схожими целями и интересами, общего блага и общей судьбы, уступают место трансграничному социуму, аккумулировавшему бесконечное многообразие различий и особенностей, выражающих современный «вызов плюрализма». Это позволяет говорить о смене парадигмы в оценке соотношения индивидуального и общего, частного и публичного, различий и единства.

В традиционном обществе личность преимущественно идентифицировалась как составной элемент группы – этнической, религиозной, социальной, политической, профессиональной. В эпоху глобализации, на пороге информационного общества личность, не утрачивая указанных характеристик, получает широкую возможность приобрести новые качества: высокую образованность, коммуникативность, социальную ответственность, обширный культурный и мировоззренческий кругозор, плюрализм взглядов и позиций. Размывая границы групповых идентификаций, плюрализм интересов и мнений расширяет диапазон альтернативных решений и поступков¹.

Подлинную свободу выбора, основанную на независимой, самостоятельной идентификации личности, невозможно обеспечить только

¹ Толерантность. М.: Республика, 2004. С. 277-278, 281.

материальными обстоятельствами. Условия и предпосылки самостоятельности и свободы человеческой личности в эпоху глобального плюрализма далеко не исчерпываются растущими стандартами уровня жизни, широкой доступностью информационных ресурсов и возможностью получать, при соответствующих материальных издержках, любой жизненный опыт (от участия в экзотических ритуалах меланезийских племен и погружения в тибетскую эзотерику до полета на орбитальную космическую станцию). Напротив, чем дальше расширяется диапазон реализуемых материальных возможностей, тем настоятельнее становится задача укрепления духовного стержня личности, того «духовного корня человека, т.е. глубокой, внутренней, личной самости его души», о которой писали русские религиозные философы².

Концептуальную приемлемость для выявления предпосылок свободной самоидентификации философско-этических воззрений одного из них, выдающегося мыслителя Ивана Ильина, раскрывают его суждения о духовной автономии (буквально, «самозаконии»), семантически и тематически созвучные принципам свободы совести. Последняя, благодаря гуманитарным достижениям современной цивилизации, стала общепризнанным правом человека, закрепленным в международно-правовых документах и реализованном в той или иной форме в большинстве стран мира.

Будучи результатом многовековой эволюции этической и правовой мысли, принцип свободы совести выступает важнейшей предпосылкой свободной самоидентификации, «живой автономии человеческого духа», утверждаемой как в религиозных, так и нерелигиозных системах нравственных координат. И.Ильин писал: «Человеку как духу и притом – зрелому духу, необходимо иметь самостоятельные воззрения и убеждения, ... т.е. окончательно и жизненно определяющие его личность утверждения и отрицания в вопросах о том, что подлинно есть, что ценно и что должно

² Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М.: АСТ, 2002. С. 55.

быть... Духовная жизнь вообще состоит в том, что человек утверждает в себе известные, объективно-ценные жизненные содержания, и утверждает себя ими. Он «принимает» их как свободно предпочтенные, избранные, признанные, исповедуемые, любимые; и потому наполняет ими свою жизнь и исполняет их своим сочувствием, присутствием, поддержкою и служением. Он строит себя ими и строит их осуществление собою. Нет этого – нет и духовной жизни»³.

Автономная, самодеятельная духовная жизнь, определяющая свободу воли, мысли, чувств и творческого воображения человека, является базовым устоем самоопределения личности. В современном мире ее свободное, полноценное выражение обеспечивает принцип свободы совести (freedom of conscience), под которым в науке и международно-правовой практике принято понимать право на свободу религиозного или безрелигиозного мировоззренческого выбора и действия в соответствии с ним в практической жизни, а также полную возможность изменения сделанного ранее мировоззренческого выбора.

Объем понятия свободы совести выходит за рамки отношения человека к религии, поскольку под совестью в данном случае подразумевается субъективное осознание соответствия или несоответствия собственного поведения нравственным ценностям личности, а они могут носить как религиозный, так и внерелигиозный характер. «Самостоятельность и свобода подобает и нерелигиозному и религиозному человеку, – писал И.Ильин. – ...Как вера, так и неверие – духовно невынудимы. Неким таинственным образом каждому человеку дарована и в духе гарантирована «свобода совести»; она обеспечена самим способом бытия, присущим человеку, укрытостью его души, его созерцания, его воли, его веры – за его индивидуальным телом»⁴.

Для личности, приемлющей религиозное мировоззрение, в шкале жизненных ценностей определяющими выступают аксиологические

³ Ильин И.А. Указ. соч. С. 54.

⁴ Там же. С. 54, 67.

характеристики соответствующей религиозной системы. Исторически сама система религиозных представлений изначально влияла на формирование нравственных, правовых и культурных ценностей общества, придавая им императивный характер. Вследствие этого, ценностные категории даже сугубо секулярных мировоззренческих систем в своей первоначальной основе, как правило, имели религиозный источник, а само понятие совести содержит определенную религиозную составляющую, хотя она может быть выражена в неявной форме, проявляясь опосредованно.

С философской точки зрения человеческая совесть является категорией, автономной по отношению к обществу и государственной власти. Свобода совести неотделима от свободы воли человека, позволяющей ему определить свое внутреннее отношение к разнообразным воздействиям внешнего мира в течение жизни. Осмысление жизненного опыта и иной внешней информации обеспечивает свободное формирование человеком собственной мировоззренческой ориентации, выражающейся в убеждениях и действиях. Процесс мировоззренческого выбора и принятия основанных на избранном мировоззрении жизненных ценностей объективно находится вне сферы правового регулирования со стороны государства.

Государственное законодательство может определять лишь формы и границы внешней реализации свободы автономной совести, включая ограничения и даже запреты тех или иных ее выражений. Последнее зависит от многих факторов социально-политического, нравственного, культурного и этнического характера, складывающихся в ходе исторической жизни стран и народов.

Необходимо отметить, что сам по себе мировоззренческий выбор, как и принятие на его основе тех или иных ценностных ориентиров («совестный акт», – по выражению И. Ильина), могут и не быть результатом свободной воли и автономной совести. «Автономии духа противостоит его гетерономия или «чужезаконность». Гетерономия есть слепая и пассивная покорность человека человеку в его созерцаниях и деяниях... «Гетерономия» в религии

состоит в отказе от самоличного принятия (или признания) того основания, в силу которого веруемое веруется и исповедуется и, следовательно, - в перенесении этого главного и решающего момента религиозного опыта на другого человека (или на других людей), в предоставлении ему (или им) вместо меня, за меня и для меня решить, во что именно я верую и во что я не верую»⁵.

Неоднократно отмечалось, что гетерономия совести, навязанная человеку государственной властью даже во имя утверждения действительно высоких мировоззренческих идей и жизненных ценностей, делает человека совершенно неспособным к осознанному выбору и основанному на нем ответственному действию. Вместо укрепления общественной стабильности такие действия государства ведут лишь к социальной дезинтеграции.

В сохранении автономии совести, по мнению И. Ильина, должны быть заинтересованы как государственная власть, так и любые религиозные сообщества: для первой она является залогом прочного гражданского правосознания, а для вторых – создает наиболее благоприятные условия свободного распространения их религиозной веры. Напротив, гетерономная совесть подрывает и то, и другое: «Гонение во всех случаях и при всех положениях ведет к подрыву и ослаблению самой преследующей власти, ибо оно закаляет непокорных, делая их врагами, и деморализует покорных, делая их рабами. Нелепо строить церковь на врагах и на рабах. Погибельно утверждать государство на враждебном и на рабьем правосознании. Ибо враг есть вечный вредитель, а раб есть готовый предатель... Самый успех религиозного гонения есть опасность для гонителя: ибо масса, прошедшая через вынужденное отречение и поддавшаяся ему, впитавшая атмосферу страха, угроз и казней, возросшая на лжи и симуляции, – становится в религиозном, моральном, культурном и политическом отношении чернью – пребывает в духовном растлении и есть мнимая величина перед лицом Божиим... Насилующая власть есть тираническая власть над рабами и будет

⁵ Ильин И.А. Указ. соч. С. 56, 58.

однажды продана ими свергнута и поругана, как это бывало в истории Рима и Византии»⁶.

Действительно, прошлое и настоящее дают в подтверждение данного тезиса богатый материал. Принуждение, закрепощение и подавление свободного человеческого духа – скорее правило, чем исключение на историческом пути человечества за два последних тысячелетия. Гонения на христиан в Римской империи, преследования иноверцев в византийскую эпоху, объявление вне закона еретиков и схизматиков, крестовые походы и инквизиция, религиозные войны и аутодафе, антирелигиозный террор коммунистических и нацистских режимов, радикальные формы современного религиозного и политического экстремизма – все относится к проявлениям духовной гетерономии.

Принципиальный мировоззренческий выбор между живой автономией веры и омертвляющей религиозной гетерономией много веков назад разделил христианскую цивилизацию на Западную и Восточную. «Невозможно подвигать людей к Богу угрозами и принуждением, – писал И.Ильин. – Это признавалось и исповедовалось в православной России. Еще в 1555 году московский митрополит Макарий писал в наставлении первому казанскому архиепископу Гурию о проповеди среди татар: «Всякими обычаями, как можно, приучать ему татар к себе и приводить их любовью на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити». Но католический запад думал об этом совсем иначе: он не понимал того, что религиозная стихия не может и не должна равняться по государственной; что в религии душевный мотив, вызывающий веру, составляет самое естество религиозности; что религия не может мириться с низкими мотивами вероисповедной и церковной принадлежности; что она вырождается и гибнет от этого. И там, где русский народ отстаивал и отстаивал свою веру от власти татарских ханов, запад формулировал обратное ему понимание, выдвинув на целый ряд

⁶ Ильин И.А. Указ соч. С. 71.

столетий противорелигиозную «аксиому»: «*cujus regio – ejus religio*», т.е. народ обязан принимать исповедание своего государя»⁷.

Не меньшую, чем католицизм, нетерпимость к своим религиозным оппонентам проявлял протестантизм. В то же историческое время, когда московские правители отрицали для себя возможность насильственного крещения иноверцев, а именно в 1553 г., одним из вождей Реформации Жаном Кальвином была учинена жестокая расправа над обвиненным в ереси испанским ученым Мигелем Серветом.

Возникновение и развитие большинства социальных и политических институтов, за редким исключением, строилось на принуждении и угрозе, являвшимися в конечном счете «исторической санкцией и исторической сущностью гетерономии». Духовное закрепощение личности, безусловное подчинение авторитетам и непререкаемым истинам было неизбежным следствием, а подчас и условием политической, социальной и экономической зависимости. Стремясь к освобождению от уз материального и физического рабства, ищущая свободы личность вырывалась из плена духовной гетерономии и утверждала в себе право самостоятельного выбора. В истории человечества этот духовный выбор, как правило, имел религиозной содержание. Конфликт религиозной гетерономии и автономией человеческого духа носит, таким образом, глобально исторический характер.

«Религиозный опыт и религиозное верование свободны по самому естеству своему и отстаивают себя и свою свободу, когда надо, даже до смерти, – утверждает И.Ильин. – Поэтому борьба за «свободу совести», ведшаяся в истории человечества, есть явление естественное, необходимое и духовно-верное. Она должна вестись в виде прямого осуществления свободного верования, с провозглашением этой свободы и доказательствами ее правоты и неуязвимости. Она должна вестись не только как борьба за свободу веры, но и как борьба за свободу ее проявления, исповедания и церковного оказательства. И каждому исповеданию, которое сумеет доказать

⁷ Ильин И.А. Указ. соч. С. 88.

духовность своего искания, своей веры и своего церковного делания, должна быть общественно и государственно гарантирована подобающая свобода»⁸.

Спасение от угрозы религиозной гетерономии лучшие умы западноевропейской цивилизации видели в утверждении принципа религиозной свободы. Его идейные истоки относятся к мыслителям XIII – XIV вв. – У.Оккаму (ок.1285-1349 гг.) и Марсилию Падуанскому (ок.1275-ок.1343 гг.). В трактате «Защитник мира» последний возложил на католическую церковь ответственность за беды и несчастья мира, призвал отделить церковь от государства, предоставив ей исключительно духовную жизнь людей, и подчинить священнослужителей светскому суду и светской власти⁹. В эпоху Возрождения и в Новое время свой вклад в разработку концепции свободы совести, и свободы вероисповеданий внесли Н.Макиавелли, Т.Мор, Б.Спиноза, Т.Гоббс, Дж. Локк и французские просветители XVIII века, ставшие радикальными борцами с религиозной гетерономией.

Когда после восстановления королевской династии Стюартов в Англии резко усилились религиозные гонения, Дж. Локк в «Опыте о веротерпимости» (1667 г.) призвал государство не вмешиваться в выбор гражданами их религии, поскольку «путь к спасению – это не какая-то внешняя вынужденная деятельность, но добровольный и тайный выбор ума...». По мнению философа, «не надо думать, что люди должны предоставить правителю власть выбирать за них путь к спасению, – власть слишком большую, чтобы ее отдавали, а то и вовсе не подлежащую передаче; ибо, какое бы правитель ни насаждал богопочитание, люди непременно должны следовать тому, что сами считают за лучшее, поскольку ничто не может быть достаточной причиной, чтобы принуждать человека к тому или отвращать от того, что, по его полному убеждению, есть путь к бесконечному блаженству или бесконечному страданию. Богослужение, будучи данью почтения Богу, которому я, по моему мнению, поклоняюсь

⁸ Ильин И.А. Указ. соч. С. 67-68.

⁹ История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 50.

угодным ему образом, и таким образом будучи действием или общением, происходящим только между Богом и мною, по собственной природе вовсе не касается ни моего правителя, ни моего ближнего и посему поневоле не производит действий, возмущающих покой общества»¹⁰.

Хорошим гражданином государства может быть, по мысли Локка, искренний приверженец любой религии: «Соблюдаю ли я пятницу с магометанином, субботу с иудеем, воскресенье с христианином, молюсь ли я по форме или нет, поклоняюсь ли я Богу, участвуя в разнообразных и пышных церемониях католиков или соблюдаю более скромные обряды кальвинистов, - во всех этих поступках, когда они совершаются искренне и по совести, я не усматриваю ничего, что само по себе может сделать меня худшим подданным моего государя или худшим ближним моего собрата-подданного...»¹¹. В то же время навязывание силой государственной власти каких-либо идей и мнений, как считал Локк, лишь дискредитирует последние: «... насильственное насаждение мнений мешает людям уяснить их, ибо прививает им неодолимое подозрение насчет того, что те, кто так, силой, вербует прозелитов, не несут истины, а лишь преследуют собственные интересы и ищут власти»¹².

Именно западнохристианская цивилизация в силу развитых и устойчивых форм религиозной гетерономии дала яркие образцы этической и правовой мысли, отстаивавшей свободу совести и вероисповедания. Восточная православная христианская традиция, одухотворенная душеспасительным подвигом великих подвижников, пустынников и молитвенников, смогла, в свою очередь, трудами русских религиозных философов раскрыть живое, творческое, искреннее и цельное содержание духовной автономии.

Установление и расширение либеральных демократических свобод, отражавших устремления и ценности буржуазного общества не стало

¹⁰ Локк Дж. Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 69

¹¹ Там же. С. 69-70

¹² Там же. С. 85

панацеей от проявлений духовной гетерономии. Тоталитарные режимы XX в. во многом превзошли жестокие реальности жизни средневековой Европы. Для тоталитарного государства характерно стремление к гетерономии человеческой совести посредством законодательного декретирования удобного мировоззрения в качестве единственно верного и общеобязательного. К этому добавляются карательная практика в отношении приверженцев иного мировоззрения, полный запрет или ограничение доступа к источникам информации, отражающим альтернативные идеи, целенаправленная массивированная пропаганда.

Парадоксально, но атеистические режимы недавнего времени, яростью антирелигиозных преследований воскрешающие в памяти гонения на ранних христиан в императорском Риме, стали прямыми восприемниками традиции религиозной гетерономии, огнем и мечом утверждавшей себя в европейской истории Средневековья и Нового времени. Провозглашение отделения церкви от государства, школы от церкви и объявление религиозного и мировоззренческого выбора личным делом каждого гражданина (Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах») только на словах соответствовали принципам религиозной свободы.

Принудительное навязывание безрелигиозного и антирелигиозного мировоззрения, как это было присуще многим тоталитарным диктатурам, рано или поздно подрывает и обрушивает саму политическую систему, утверждающую духовную гетерономию своих граждан. В современную высокотехнологическую эпоху уже никому невозможно длительное время поддерживать гетерономную идеологическую матрицу, запирающую свободный интеллектуальный и духовный поиск личности.

И. Ильин в книге «Путь духовного обновления» и в работе «Кризис современного безбожия» предупреждал, что «принудительное безбожие по самому существу своему ведет не к безверию, а к вере в систему земных, ничтожных, пошлых и не заслуживающих веры содержаний». Неизбежное и

скорое по историческим меркам разочарование широких масс в этих «содержаниях» возможно и стало главной идеологической причиной кризиса коммунистических режимов в конце прошлого века.

В современной политико-правовой практике понятия свободы совести и свободы вероисповедания нередко рассматриваются как равнозначные. В действительности, в объем понятия свободы совести входит свобода вероисповедания (религиозная свобода), которая, по существу, выступает ее частным вариантом, связанным с религиозным мировоззренческим выбором человека и его конкретным религиозным самоопределением. Свобода вероисповедания (freedom of religion) также является устойчивым международно-правовым определением, которое означает право человека свободно следовать своим религиозным убеждениям и выполнять вытекающие из них ритуалы и обряды, а также открыто заявлять о своей вере, т.е. исповедовать ее («свидетельствовать о вере») в соответствии с данными убеждениями.

Понятие вероисповедание в таком случае может иметь два значения. Во-первых, – это религия, как система убеждений (догматы и вероучение) о сверхприродной реальности, образующая целостную картину мировосприятия, а также связанные с приверженностью этой системе канонические установления и общие нормы поведения. Во-вторых, – это конкретное направление той или иной религии (деноминация, течение, согласие, толк и т.п.), имеющее уникальное наименование и выступающее как система убеждений и норм поведения, по большинству своих параметров принадлежащая к определенной религии, но отличающаяся от других родственных направлений важными особенностями вероучения и богослужения.

Первый в новой демократической России закон о свободе совести (Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий») провозгласил «право каждого гражданина свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и атеистические убеждения, исповедовать

любую религию или не исповедовать никакой и действовать в соответствии со своими убеждениями при условии соблюдения законов государства»¹³, смешав понятия «свободы вероисповедания» и «свободы совести».

В этой связи необходимо более четкое разграничение дефиниций во избежание юридической путаницы, которая создает серьезные препятствия для реализации мировоззренческого выбора. Российский правовед А.Ловинюков, называя в качестве одного из основополагающих элементов свободы совести равенство всех граждан перед законом вне зависимости от их мировоззренческой ориентации, сформулировал три основные градации степени выражения свободы совести, устанавливаемые государственной властью: веротерпимость, свобода вероисповедания и свобода совести¹⁴.

Веротерпимость – это установление господствующего вероисповедания, поддерживаемого государством, при одновременной терпимости к другим официально признанным вероисповеданиям (последние могут иметь разный юридический статус). Государство оставляет за собой право определять правовой статус граждан, исходя из их вероисповедной принадлежности. Выход из господствующего вероисповедания и религиозная гетеродоксия внутри него (ересь) подлежат законодательному преследованию или серьезно ограничены, тогда как переход из терпимого в господствующее вероисповедание всячески поддерживается государством и даже сказывается на расширении правоспособности граждан. Вневероисповедное состояние юридически не признается.

Свобода вероисповедания – это установление равенства всех официально признанных вероисповеданий. При этом государство не связывает себя поддержкой ни одного из них, хотя некоторые вероисповедания, в силу тех или иных причин (принадлежность к ним большинства верующего населения, историческая традиция и т.п.), могут наделяться специальными правами. Вероисповедная принадлежность, как правило, не влияет на правовой статус личности, хотя смена

¹³ Религия и закон: Сб. правовых актов. М.: Паллада, 1996. С. 63

¹⁴ Государство и право. 1995. № 1. С. 33

вероисповедания в некоторых случаях может быть ограничена. Вневероисповедный статус личности также юридически не признается, но фактически может иметь место.

Свобода совести – это признание равенства всех вероисповеданий и вневероисповедных мировоззренческих объединений перед законом и юридического равенства всех граждан вне зависимости от их мировоззренческого выбора, если последний не связан с нарушением государственного законодательства. Смена вероисповедания или мировоззренческой ориентации не влечет за собой никаких юридических последствий.

На практике подобные отчетливо выраженные градации степени осуществления религиозной и мировоззренческой свободы довольно редко проявляются в чистом виде. Гораздо чаще можно наблюдать сочетания и комбинации вышеназванных дефиниций: свобода вероисповедания исторически обычно проявляла себя как определенное переходное состояние правового поля от веротерпимости к свободе совести.

Современная политико-правовая мысль относит свободу совести, мысли и религии к важнейшим гражданским и политическим правам наряду с правом на участие в ведении государственных дел и правосудия, равенством перед законом и судом, правом на жизнь, свободу и безопасность личности, неприкосновенность жилища и частной жизни, выбора места жительства и передвижения.

Право на мировоззренческий выбор и действие в соответствии с ним, как и другие гражданские и политические права, по мнению Е.Мчедловой, имеют особую природу: характер их осуществления предполагает защиту от любого вмешательства, в том числе со стороны государства. Одновременно права и свободы человека воспринимаются как высшая ценность, определяющая смысл, содержание и применение законов, деятельность ветвей государственной власти и органов самоуправления¹⁵.

¹⁵ Российская цивилизация: Энциклопед. словарь. М.: Республика, 2001. С. 303-307

Общепринято оценивать свободу совести, частным проявлением которой является религиозная свобода, в качестве естественного, неотъемлемого и священного права. При этом естественность и неотъемлемость мыслятся как черты, присущие человеку от рождения, вне зависимости от воли государственной власти и ее узаконения в правовых документах. Священность же свободы совести предполагает признание ее одной из высших социальных и нравственных ценностей, обеспечивающих благосостояние народов и государств.

В таком качестве принципы свободы совести и вероисповедания зафиксированы в международных правовых актах и в национальном законодательстве большинства стран Европы и США, а также в действующем российском законодательстве. Сходные подходы, раскрывающие содержание религиозной свободы, формулировались также в документах международных религиозных организаций.

Утверждение свободы совести как базовой ценности современного общества свидетельствует, что вышеприведенное понимание прочно укоренилось в политическом мышлении мирового сообщества, международном и национальном праве и, в основном, разделяется всеми ведущими вероисповеданиями и религиозными объединениями в России и в мире. Вместе с тем при формулировании принципа свободы совести как юридической дефиниции и нормативной разработке основных направлений ее реализации требуется точное определение объема данного понятия и выявление его структурных элементов, в том числе напрямую относящихся к истолкованию свободы вероисповедания.

Первичным, базовым аспектом религиозной жизни является право на исповедание любого вероучения, при отсутствии которого все остальные составляющие религиозной свободы просто теряют смысл. Данное правомочие логически объемлет право на выбор и на изменение религии, объективизацией которого выступает реализация желания на вступление в

любую религиозную организацию или выход из нее, не влекущая за собой никаких правовых последствий.

При принятии человека, сделавшего свой религиозный выбор, в число членов религиозного объединения, последнее, действуя согласно собственным каноническим установлениям, вправе предъявить к вступающему определенные требования. Их соблюдение является основанием для вступления в вероисповедное сообщество, выход из которого не может быть ограничен или обусловлен какими-либо обязательствами религиозного характера. При наличии гражданско-правовых отношений между религиозным объединением и его членом, их взаимные обязательства ограничиваются только сферой этих отношений (трудовых, имущественных и т.п.).

Особые ситуации возникают, когда результатом религиозного выбора человека становится желание не вступить в одно из существующих религиозных объединений, а основать новое на основании сформулированных им самим вероучительных принципов. Здесь возникает вопрос: распространяется ли право религиозного выбора на намерение «основать новую религию», который решается по-разному. Ранее появление новых религиозных течений и направлений признавалось результатом идейной эволюции уже существующих вероисповеданий. Такая эволюция, нередко приводящая к вероисповедным размежеваниям, не должна быть объектом государственно-правового вмешательства, если при этом не был нарушен закон. В то же время желание «основать свою религию» отдельно взятым лицом не считалось допустимым¹⁶.

Можно признать правомерность дискуссий о духовно-нравственной состоятельности подобного рода попыток и общественную озабоченность в этой связи по поводу возможной религиозной розни, как и законное право существующих религиозных сообществ выносить относительно таких фактов те или иные суждения. Однако для государства с правовой точки зрения

¹⁶ Рудинский Ф.М. Институт свободы совести. М., 1971. С. 404-406

вопрос о том, как возникло религиозное течение (путем выделения из уже существующих вероисповеданий или в результате деятельности основателя-вероучителя), не должен иметь решающего значения.

Граждане, пожелавшие исповедовать новую религию, вправе объединиться в религиозное общество на основании собственных совместно принятых уставов и лишь затем поставить об этом в известность власти. Для государства в данном случае представляется важным, чтобы новый культ не противоречил действующему в стране законодательству, не создавал угроз общественному порядку и национальной безопасности, не нарушал установленные права и свободы человека, а также соответствовал основным признакам религиозного сообщества.

Насущной задачей государства в связи с возникновением большого числа новых религиозных образований становится создание надежной юридической и административной системы противодействия квазирелигиозным организациям и движениям, несущим угрозу личности и обществу, а не ограничение вероисповедного выбора уже существующих религиозных объединений.

В настоящее время еще отсутствует однозначное решение проблемы смены вероисповедной принадлежности религиозным объединением, особенно в том случае, если оно входит в состав централизованной религиозной организации. Правовед И.Куницын считает, что выбор и изменение вероисповедания религиозным объединением может быть результатом коллективного объективированного волеизъявления, выраженного в основополагающих документах данной организации¹⁷.

В комментариях к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях» А.Себенцов указывает на то, что личное право смены вероисповедной принадлежности не распространяется на группу людей, состоящих в религиозной организации: «... представляется неправомерным переход всей организацией из одной религии в другую и

¹⁷ Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России. М.: Отчий дом, 2000. С. 117

даже в рамках одной религии переход из подчинения одной централизованной организации, утвердившей ее устав, в подчинение другой...», ибо это «входит в противоречие с уставом религиозной организации, где закреплена ее принадлежность»¹⁸.

Однако подобный подход ограничивает право граждан на религиозное самоопределение, которое может осуществляться как в индивидуальной, так и в коллективной формах. Смена вероисповедной принадлежности и, соответственно, канонической юрисдикции не только отдельными религиозными организациями и группами, но и крупными конфессиональными единицами, имеющими статус церквей, – достаточно распространенное явление в мировой практике.

В 1928 г. значительная часть англиканских общин Кении заявила о своем присоединении к Православию, образовав Африканскую православную церковь, которая в 1946 г. перешла под юрисдикцию Александрийской православной церкви. В 1929 г. аналогичная ситуация сложилась в Уганде, где часть приходов Англиканской церкви образовала Африканскую греко-православную церковь, также впоследствии присоединившуюся к Александрийской патриархии. В настоящее время православные общины африканских народов – кикуйю, ганда и ланго, составляющие около двух третей всей паствы Александрийской православной церкви, объединены ее церковным диоцезом – епархией Эйренополисом. Подобные изменения религиозной карты Восточной Африки явились результатом сложных процессов национального возрождения ее народов и формирования их национально-религиозного самосознания, выразившегося в смене вероисповедной ориентации.

Необходимо создание детального правового механизма и соответствующей юридической процедуры изменения канонической юрисдикции религиозных объединений при смене их вероисповедной принадлежности. Причем подобный механизм должен обеспечивать свободу

¹⁸ Свобода совести и государственно-церковные отношения в Российской Федерации: Документы и материалы. М., 1998. С. 53

действительного мировоззренческого выбора, а не служить инструментом решения политических задач или удовлетворения амбиций отдельных священнослужителей и мирян.

Следующее правомочие – право действовать в соответствии с исповедуемыми ценностями – позволяет свободе вероисповедного выбора объективироваться вовне через следование предписаниям избранной религии. Оно вбирает в себя, во-первых, личные права верующих действовать в соответствии со своим религиозным выбором, во-вторых, их право на коллективную деятельность в составе религиозного объединения.

Личные права верующих в узком смысле включают право литургической жизни в индивидуальной (молитва) и коллективной (участие в богослужениях и религиозных церемониях) формах, а также выполнение положенных обрядовых, ритуальных и иных поведенческих и моральных предписаний избранной верующим религиозной системы в повседневной жизни. В широком смысле они предусматривают право человека действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями, сформированными на базе религиозного мировоззрения, в том числе возможность выбора соответствующего политического, экономического, правового, общественного и нравственного поведения.

Как писал по этому поводу Гегель: «основа светской жизни и основа религии различны, и здесь может проявиться и различие принципов. Религия не остается в своей замкнутой сфере, она обращается к субъекту, создает для него предписания, относящиеся к его религиозной жизни, но распространяющиеся также и на его деятельность в целом. Эти религиозные предписания могут отличаться от основных положений права и нравственности, действующих в государстве»¹⁹.

Устранение возможных противоречий между предписаниями религии и государственно-правовыми нормами в юридической практике различных стран разрешается в достаточно широком диапазоне – от признания

¹⁹ Гегель Г. Философия религии. Т. 1. М., 1976. С. 403

безусловного примата светского права над каноническими установлениями (Франция) до различной степени сопряжения светских и религиозных правовых норм, вплоть до инкорпорирования некоторых из них в национальное право (Германия, Греция, Италия, Ирландия, Польша).

Особого рассмотрения заслуживает коллективная деятельность религиозных объединений. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» под ними подразумевается «добровольное объединение граждан Российской Федерации, иных лиц, постоянно и на законных основаниях проживающих на территории Российской Федерации, образованное в целях совместного исповедания и распространения веры и обладающее соответствующими этой цели признаками»²⁰. Эти объединения могут создаваться в форме религиозных групп и организаций. Отличие последних – наличие у них статуса юридического лица, благодаря чему религиозные организации выступают в качестве самостоятельных субъектов права, наделенных специальной правоспособностью.

Специальная правоспособность юридического лица означает возможность осуществлять лишь те виды деятельности, которые соответствуют его основным целям. Согласно вышеупомянутому Федеральному закону, таковыми целями у религиозных организаций могут быть только совместное исповедание и распространение веры. При этом законодательство не устанавливает четких рамок для выбора деятельности этих организаций, а также критериев ее соответствия определенной законом установленной цели.

Всю деятельность религиозных организаций можно условно разделить на религиозную и нерелигиозную. Религиозная деятельность рассматривается как непосредственно направленная на удовлетворение коллективных потребностей по совместному исповеданию и распространению веры и, в свою очередь, подразделяется на культовую и внекультовую.

²⁰ Свобода совести... С. 8

Культовая деятельность охватывает литургическую и обрядово-ритуальную сферу соответствующей религиозной системы. В Ст. 16 «Религиозные обряды и церемонии» указанного Федерального закона предусмотрено беспрепятственное совершение коллективных религиозных мероприятий в специальных культовых зданиях и помещениях (христианских храмах и молитвенных домах, мечетях, синагогах, буддийских дацанах и хурулах) и на относящихся к ним территориях, в местах религиозного паломничества, на кладбищах и крематориях. Кроме того, они возможны в жилых помещениях, лечебных учреждениях, детских домах, домах-интернатах для престарелых и инвалидов, пенитенциарных учреждениях, исходя из религиозных потребностей содержащихся в них лиц.

Богослужения и религиозные церемонии разрешены также на территориях воинских частей и соединений и на кораблях военно-морского флота с учетом требований воинских уставов и в соответствии с просьбами военнослужащих. В иных случаях публичные религиозные обряды и церемонии осуществляются в порядке, установленном для проведения всех массовых мероприятий (митингов, шествий, демонстраций и т.п.).

Внекультовая деятельность направлена на удовлетворение религиозных потребностей за пределами обрядовой сферы, выступая как вспомогательная по отношению к ней. В ее составе можно выделить религиозно-образовательную, культурно-просветительную, издательскую, религиозно-туристическую и религиозно-производственную виды деятельности, и приведенный перечень не является исчерпывающим.

Нерелигиозная деятельность вероисповедных организаций обеспечивает все необходимые условия для религиозной (хозяйственная, предпринимательская и пр.), либо носит факультативный характер.

Особо следует выделить такое направление как благотворительность – безвозмездную передачу физическим и юридическим лицам имущества и денежных средств, а также предоставление услуг и иной помощи и поддержки. Возможность осуществления этого вида деятельности является

неотъемлемой составной частью правоспособности религиозных организаций, предусмотренной в Ст. 18 Федерального закона: «религиозные организации вправе осуществлять благотворительную деятельность как непосредственно, так и путем учреждения благотворительных организаций»²¹. Хотя благотворительную деятельность иногда приписывают к разряду нерелигиозной²², на наш взгляд, данное направление следует скорее отнести ко внекультовым формам религиозной деятельности, поскольку оно обычно развивается на базе ценностной системы того или иного вероисповедания, имеющего свои отличительные особенности.

Наконец, право распространять религиозные воззрения является частным случаем реализации права граждан на свободу распространения информации. Оно может осуществляться как в литургической форме (проповедь), так и в разных направлениях внекультовой деятельности (религиозно-образовательной, культурно-просветительной, издательской), направленной на распространение знаний о религии с целью формирования определенного религиозного мировоззрения, либо углубления вероисповедных убеждений, когда мировоззренческий выбор уже совершился.

Данное право получило свое конституционное оформление в Ст. 28 действующего Основного закона Российской Федерации, тогда как все узаконения советского периода, провозглашавшие конституционный принцип свободы совести, трактовали эту норму весьма своеобразно. Если первые Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. формулировали одновременную свободу ведения как антирелигиозной, так и религиозной пропаганды, то в 1929 г. Четырнадцатый Всероссийский съезд Советов принял новую редакцию Основного закона, в котором норма о свободе религиозной пропаганды была вовсе исключена. Конституции СССР 1936 и 1977 гг. свободе антирелигиозной (атеистической) пропаганды противопоставляли «свободу отправления религиозных культов», что фактически подчеркивало

²¹ Свобода совести... С. 17

²² Куницын И.А. Указ. соч. С. 226

неравенство правомочий для верующих и атеистов, хотя прямого запрета на религиозную пропаганду не вводилось.

Говоря о реализации права на распространение религиозных ценностей, необходимо более четко определить смысл и содержание таких понятий, как миссионерство, прозелитизм и евангелизация. Со времени своего возникновения они претерпели весьма существенные изменения, но до сих пор нередко употребляются как синонимы, обозначающие стремление религиозных объединений и их приверженцев к распространению своей веры среди других людей. Вместе с тем современный опыт распространения религиозных воззрений создает основания для разграничения понятий миссионерства и прозелитизма.

Миссионерство трактуется как своего рода «свидетельство о вере», т.е. желание раскрыть ее положительный смысл перед лицом неверующих и иноверцев. Частным случаем миссионерства в применении к христианским конфессиям может быть названа евангелизация – деятельность по обращению в христианство отдельных людей или целых групп при одновременном углублении их знаний в области христианского вероучения.

Прозелитами в Библии обычно именовали обращенных в иудейскую веру язычников (Деян. 2:10), причем такое обращение не обязательно связывалось с добровольным религиозным выбором. В дальнейшем прозелитизмом стали называть деятельность по переманиванию последователей одной христианской конфессии в другую, но более полно этим понятием охватываются практикуемые рядом деноминаций попытки изменить религиозный выбор человека посредством целенаправленной пропаганды, далеко не всегда правдивой, нередко с использованием средств нерелигиозного характера (угроз, обещаний материальных благ и т.п.).

Подобного рода деятельность в настоящее время решительно осуждается подавляющим большинством институционализированных конфессий. Резолюция Генеральной Ассамблеи ВСЦ в Нью-Дели 1961 г. «Христианское свидетельство, прозелитизм и религиозная свобода»

охарактеризовала прозелитизм как искаженное свидетельство о вере, использующее ложные методы²³.

Приведенный далеко не исчерпывающий анализ философского и юридического содержания принципов свободы совести и вероисповедания позволяет тем не менее рассматривать их в качестве устоявшейся этической и правовой предпосылки свободной самоидентификации личности.

Эти предпосылки важны для обеспечения свободного и осознанного выбора не только в духовном, но и в других (социальной, политической, культурной) сферах жизни.

²³ Свобода совести в духовном возрождении Отечества. М.: РНИСиНП, 1994. С. 45-62